

ТИМУР ГАЙНУТДИНОВ

Des Cartes postales

КАРТЕЗИАНСКИЕ ПИСЬМА

Тимур Гайнутдинов

Des Cartes postales

«Издательские решения»

2015

Гайнутдинов Т. Р.

Des Cartes postales / Т. Р. Гайнутдинов — «Издательские решения», 2015

Обращаясь к текстам Декарта, монография рассматривает проблему экспозиции тела в структуре бытия. Сопоставляя понятия протяженности и тела, автор анализирует пространственность тела онтологически, как развертывание его телесного бытия. Картезианское тело всегда функционально избыточно, но именно эта избыточность обнаруживает его радикальную пустоту. Этот телесный дискурс, где мысль о теле с неизбежностью касается стойкой чужеродности самого тела, определяется в качестве картезианской купюры.

© Гайнутдинов Т. Р., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Пролог	6
Грамматика картезианства	11
Конец ознакомительного фрагмента.	14

Des Cartes postales
Картезианские письма
Тимур Гайнутдинов

© Тимур Гайнутдинов, 2015

© Джеймс Гилрей, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Пролог

«La Carte postale: de Socrate à Freud et au-delà».¹ Почему Деррида не указывает в качестве адресата Декарта? Он с трудом узнается даже в этом безличном «*et au-delà*» в русском переводе (страдающем неточностью и близорукостью очевидными уже в заглавии) несколько уничижительно переданном «и не только». «*Au-delà*» – в большей степени все же «по ту сторону», «дальше», «за», но также и «в потустороннем мире» или, даже, «загробной жизни», так что, быть может, мы все же ошиблись, и «*au-delà*» – это как раз отсылка к Декарту с его «только что отрубленными головами», которые, «хотя уже не одушевлены», «продолжают двигаться и кусать землю»², злословить, покрывая пространство листа все новой смыкающейся плотью чернил; водные знаки бумаги верже, как распаханное поле с продольными бороздками – движение кисти в отсутствии кисти: язык, зубы, гортань наполняются чернилами плоти. «*Au-delà*» – загробный мир Декарта, одновременно *deçà et delà*, здесь и там, подобно крови, идущей горлом в час пробуждения. Вот что чувствовал Декарт: *au-delà deçà et delà* зимой 1650 года в Стокгольме, направляясь, день за днем, к пяти утра к Шведской королеве Кристине. *Renātus* – вновь рожденный, пробужденный, о чем писал уже Мамардашвили³. Но зимой 1650 года кровь начинает пробуждать себя прежде речи, обнаруживает себя на языке прежде слов: «на этот раз пора уходить»⁴. «На этот раз», – в смысле очередности, потерявшей счет, тяжесть дыхания сдавленной грудной клетки. *Renātus* есть также и воскрешение, как у Квинта Горация Флакка: «*multa renascentur, quae jam cecidēre, cadentque quae nunc sunt in honore vocabula*» – «многие, уже забытые, слова воскреснут и придут в забвение [многие из тех], которые теперь в чести». Воскресают слова и отрубленные головы продолжают злословить, разъедая память. Не *La Carte postale*, но скорее *Des Cartes postales*. *Des Cartes postales*, как особый жанр, о котором и сейчас еще слишком часто забывают. Об особости этого жанра пишет (конечно, говорит, но мы читаем, скорее сличая с листа, как читают по-губам: шуршание листа взамен беззвучному движению губ⁶) в «Картезианских размышлениях» Мераб Мамардашвили: «...в его [Декарта] письмах перед нами предстает тайный и тем самым действительный Декарт, *говорящий с нами* из неко-

¹ Деррида Ж. О почтовой открытке от Сократа до Фрейда и не только / Пер. с фр. Г. А. Михалкович. Мн.: Современный литератор, 1999. – 832 с.

² Декарт Р. Рассуждение о методе, чтобы верно направлять свой разум и отыскивать истину в науках // Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 282. В дальнейшем мы обратим еще самое пристальное внимание на взрывную мощь этой, казалось бы, случайной метафоры.

³ «Значит, основная тема Декарта: пробуждение человека – второе рождение. Кстати, его и звали Ренатус, что означает „вновь рожденный“. Это формальное, разумеется, совпадение имени с его жизненным пафосом, но, очевидно, есть какой-то закон внутренней формы, связывающей наши имена или фамилии с жизнью. Наша жизнь часто как бы исполняет то, что заложено во внутренней форме нашей фамилии». (Мамардашвили М. К. Картезианские размышления // Мамардашвили М. К. Философские чтения. СПб.: Азбука-классика, 2002. С. 519.)

⁴ Последние слова, произнесенные Декартом перед смертью. См.: Мамардашвили М. К. Указ. соч. С. 507.

⁵ Декарт происходит из древнего французского рода в Турени. Его фамилия в старой орфографии писалась *Des Quartes* по названию маленькой земли *Les Quartes* или *Les Cartes*, но в XIV столетии получила уже латинизированную форму *De Quartis*, что дальше трансформировалось в *Des Cartes*. В ранних французских, английских и голландских изданиях имя Декарта чаще всего пишется именно *Des-Cartes* (в частности, несколько примеров титульных листов с подобным написанием его имени можно встретить в качестве иллюстраций во втором томе сочинений Декарта, выпущенным издательством «Мысль» в 1994 году).

⁶ Михаил Рыклин отмечает, что эта передачи разговорной интонации лекций Мераба Константиновича на письме привела к появлению «промежуточного жанра, особой письменной речи, существующей на стыке необходимого текстуального и несводимо устного начал, в зоне их активного взаимодействия. Запись действует при этом как катализатор, как увеличительное стекло, привлекающее внимание к фактуре, бессознательным аспектам речи, к тому, что отвлекает от полного присутствия говорящего „Я“ в порядке речи, его пред-стояния собранию слушающих. В то же время запись работает как второе, замещающее событие речи, постоянно указывающее пальцем на свой исток и первособытие и одновременно от него бесконечно удаляющее». (Рыклин М. «Нежный ветер». Страсти по Мерабу Мамардашвили // Встреча с Декартом. Философские чтения, посвященные М. К. Мамардашвили 1994. М.: Ad Marginem, 1996. С. 131–132.

его пространства, которое Шарль Фурье позже назвал «абсолютным отстранением»; из пространства, так сказать, подвеса, зазора»⁷. Итак, из этого почтового просвета, из пространства отстраненности письма перед нами появляется «действительный Декарт» (оставим пока это выражение, – «действительный Декарт», – едва замеченным, едва попавшим на плоскость листа, лишь мимоходом отметив, что Декарт, видимо, может быть недействителен, подобно недействительному договору, или просроченному проездному билету, чей срок действия истек вместе с отпущенным ему временем). Парадоксальным образом отстранение и зазор способны вывести нас к картезианским тайнам, а значит и раскрыть саму тайну близости: бесконечно далекий, но также и сокровенно близкий.

Но дело в другом: в этих письмах Декарт «говорит с нами», он обращается к нам. Вот в чем дело. Письма дошли до нас, несмотря на медлительность и путаницу с адресатом (да и чего еще ждать от почты?). Письма, превращенные в почтовые открытки (*des cartes postales*), то есть, буквально, открытые письма или вынужденные стать таковыми, обращенные к нам «из пространства подвеса, зазора». Впрочем, само письмо есть пространство подвеса, принимающее возможность задержки пополам с опасностью утраты. Оно включает в себя эти риски, как почтовая марка – расходы на доставку. Деррида прав: «Великие мыслители также являются мастерами почты. Уметь хорошо играть с почтой до востребования. Сказаться отсутствующим и проявить силу, чтобы не оказаться там в ту же секунду. Не поставлять по заказу, уметь ждать и заставлять ждать так долго, сколько потребует та самая сила, заключенная в себе, – до смерти, ничего не усвоив из конечного назначения. Почта всегда в ожидании, и она всегда до востребования»⁸. Следовало бы добавить также: почта неизбежно встраивает себя в отношения наследования. Сам ее смысл, вопреки очевидности, заключается вовсе не в преодолении географии, но, исключительно, работе наследования, и поэтому почта не столько связывает пространство, сколько организует преемственность, «как у королей и герцогов после смерти главы семьи его титул переходит к сыну и сын из герцога Орлеанского, принца Тарентского или принца де Лом превращается во французского короля, в герцога де ла Тремуай или в герцога Германтского, так часто по праву наследования иного порядка, имеющему более глубокое основание, мертвый хватает живого, и живой становится его преемником, похожим на него, продолжателем его прерванной жизни»⁹. Прежде чем наследник овладеет наследством, наследство уже должно овладеть им. Можно назвать это условием наследованием или его последовательностью, но она всегда такова, что наследство наследует наследника, а вовсе не наоборот. Это со всей отчетливостью показал Пьер Бурдьё в статье, чье название наследует слова Пруста: «Мертвый хватает живого»¹⁰.

Мертвый хватает живого, и держит его все той же мертвой хваткой, подобно бешеному псу, вцепившемуся в горло. Мертвый связывает живого собственным наследием, от которого невозможно отказаться. Наследие обязывает и значительно больше, чем мы можем себе представить. Оно, буквально, хватает тебя за руку, призывая к ответу, а, значит, и ответственности. Так что должно вести речь не столько о праве наследования, сколько его обязанности. Оставив наследство, не оставляют в покое; скорее, напротив – остаются с тобой, остаются подле тебя, подчас – внутри, вместе с жестом и взглядом, тембром голоса, движением руки: «оставить своим наследникам – это не значит оставить их, оставить их существовать или жить... наследства бывают только отравленные»¹¹. Наследование – это не столько вопрос крови, сколько – письма, от (п) равленного почтой, а значит и заверенного датой; это вопрос датировки, воз-

⁷ Мамардашвили М. К. Указ. соч. С. 530.

⁸ Деррида Ж. О почтовой открытке... С. 309.

⁹ Пруст М. Сodom и Гоморра: роман. М.: Эксмо, 2012. С. 201—202.

¹⁰ Бурдьё П. Мертвый хватает живого // Социология социального пространства. СПб., 2007. С. 121—156.

¹¹ Деррида Ж. О почтовой открытке... С. 302.

вращения к дате, точнее – руке, что продолжает дату надписывать. Мертвый хватает живого и продолжает писать: еще одно письмо, еще одна дата.

Любое письмо, взяв себя у даты, вбирает время и, иногда, большее, чем может удержать память – силишься вспомнить лицо, узнать его в имени на углу конверта, увидеть сквозь подчерк знакомое движение руки и прерывистые линии ладони. Письмо всегда приходит из прошлого, подчас погребенного не только памятью, но и изрядной толщей гумусу, если отправителя уже нет в живых. Это верно и в нашем случае, так что письма Декарта всего менее шелестят бумагой, поглощенные глухим слоем влажной земли. Но странное дело: отправитель мертв, а вместе с тем мы продолжаем ему отвечать, и делаем это на чуждом ему языке. Видимо, это, с легкой издевкой, и называют верностью слову, то есть лишь частным случаем экономии наследования.

Совершенно точно, – «пространные письма повсюду проклятие..., включая загробную жизнь»¹². У нас нет особых иллюзий на этот счет: расширяя, слово за словом, пространство письма (все же более склонного к метафоре, чем к метафизике), мы лишь множим это проклятие. Мертвых ли, или живых – разницы нет. Почтовые отделения уже давно проникли в подземный мир, так что смерть сейчас не лучшее убежище от корреспонденции. Впрочем, вероятней всего, наше письмо обречено затеряться в череде отправлений с пометкой «*Des Cartes*», растворится в плотном потоке философской графомании. Кроме того, у мертвых есть преимущество: они могут не отвечать, или же сделать вид, что их нет, а следом и вовсе бросить читать на любом месте, как только язык письма потянет ко сну. Можем предположить, – это уже произошло, несмотря на ранний час текста. И все же, мы продолжаем писать, покоряясь не столько желанию, сколько логике почтовой открытки.

Итак, живой обращается к мертвому, – если эта сцена стала началом поэтики, почему бы ей также не стать началом письма. Впрочем, расставаясь с иллюзиями, все отчетливее понимаешь, что в аспекте *cogito*, слово «мертвец» скорее относится к нам. Так что, скорее уж мертвый обращается к живому. Мертвые, живые – Декарт, как мы стараемся показать, общался и с теми и с другими, отнюдь не сразу научившись их различать, сверяя жизнь и смерть, буквально, по часам: «Будем рассуждать так: тело живого человека так же отличается от тела мертвого, как отличаются часы или иной автомат (т. е. машина, которая движется сама собой), когда они собраны и когда в них есть материальное условие тех движений, для которых они предназначены, со всем необходимым для их действия, от тех же часов или той же машины, когда они сломаны и когда условие их движения отсутствует»¹³. Итак, тело живого человека отлично от тела мертвого точно так же, как часы с исправным ходом отличаются от сломанных часов, лишенных хода вовсе. Об этом, почти постыдном, пристрастии Декарта к часам говорит, в частности, Жак Лакан на одном из своих семинаров: «Я очень советую почитать книжку Декарта, которая называется „О человеке“. Вы купите ее дешево, это не самая известная из его работ, и она обойдется вам дешевле столь любезного зубным врачам „Рассуждения о методе“. Полистайте ее и убедитесь сами: то, что ищет в человеке *Декарт*, – это часы»¹⁴. Едва ли можно считать эти слова простой шуткой, одной из многих, которые позволял себе Лакан. Действительно, «то, что ищет в человеке Декарт, – это часы», но самое главное, – ему удаётся их найти. Декарт вообще очень часто испытывает самые разные технические протезы, буквально встраивая их в модель нашего тела. Пока отметим это лишь вскользь, едва обратив внимание, оставив на полях страницы, словно почти стертую отметину карандашом.

¹² Бродский И. Письмо Горацию. М., 1998. С. 294.

¹³ Декарт Р. Страсти души // Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 484.

¹⁴ Лакан Ж. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа. Семинар. Книга 2. 1954—1955. С. 111. Разумеется, Лакан произносит это с вполне очевидным сарказмом, причем пришедшим на смену откровенной грубости, которую он позволил себе страницей прежде, обозвав Декарта «идиотом» (Лакан Ж. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/55). С. 110).

В любой почтовой открытке, даже самой стыдливой, есть что-то непристойное. Ее может прочесть любой, просто случайно оборонив взгляд, пробежать глазами, выхватив несколько слов, а вслед за ними – подпись. Одновременно частная и публичная, обращенная лицом, но в любой момент готовая повернуться задом, лишённая нутра, покрова складок и склеек, возможности спрятать себя в конверте, открытка доступна всякому взгляду и приветствует тепло любой ладони, откровенно выставляя себя напоказ, отдается всем без разбора. Вот почему все открытки, наделенные грифом «открытости», рискуют остаться в жанре почтового промискуитета.

Это не правда, что почтовые открытки появились лишь в девятнадцатом веке вместе с фотографией и разрисованным куском планшета. На самом деле, они возникли вместе с Декартом, о чем говорит уже его имя. Огромная пачка открытых писем, отправленных «до востребования». *Des Cartes postales*... Почтовые карточки – в множественном числе, с количеством ощутимо превышающем прочие тексты и всегда разными адресами, словно бы Декарт заметал следы или размыкал пространство карты: Франция, Нидерланды, Германия, Австрия, Богемия, Венгрия, Италия, Швейцария, Швеция. Он постоянно путешествовал, причем, насколько мы можем судить, не столько ради географии Европы, сколько ее сценографии: «Целых девять лет я ничем иным не занимался, как скитался по свету, стараясь быть более зрителем, чем действующим лицом, во всех разыгрывавшихся передо мною комедиях»¹⁵. Видимо, с позиции жанра Декарт здесь все же лукавит, и видеть ему доводилось отнюдь не только комедии. Однако это мало что меняет в вопросах географии, точно также как едва ли находит отражение в работе почтовой службы: письма продолжают идти друг за другом, подчас догоняя адресат уже на новом месте. Впрочем, и это бывает сделать не просто, поскольку Декарт предпочитает скрываться, словно вор или беглый каторжник, сообщая лишь избранным корреспондентам о маршруте своего пути. «Надоедливым любопытным не следует знать, где он живет. Он скрывает свое местопребывание даже фальшивыми датами, часто меняет его и предпочитает захолустья: пригороды, деревни, отдаленные загородные виллы... Он живет в своем уединении кочевником, «как иудеи в Аравийской пустыне». В течение двадцати лет, проведенных в Голландии (1629 – 1649), он переменил двадцать четыре раза свое местожительство и жил в тридцати различных местах...»¹⁶. Для своей корреспонденции в различных городах и странах Декарт имел своего рода «агентов в лице друзей, пересылавших адресованные ему письма»: Бекман в Дордрехте, Рейниер в Амстердаме, Гоогланд в Лейдене и проч. Он создаёт развернутую, прекрасно работающую и отлаженную с математической точностью почтовую сеть, которой позавидовал бы любой преступный синдикат. Но конечно главную роль, помимо самого Декарта, в этом почтовом сговоре играет Марен Мерсенн, через руки которого направляются все письма, которые Декарт пишет во Францию, либо получает оттуда. Декарт познакомился с Мерсенном ещё в школе La Flèche, когда восемью годами старший Мерсенн уже заканчивал её, а Декарт, напротив, только туда поступил. И всё же, бесспорно, что именно с Мерсенном Декарта связывали наиболее прочные дружественные и почтовые отношения. В одном из писем, адресованных Мерсенну, датированным 15 апреля 1630 года, Декарт обращается к нему с просьбой: «Я и впредь не премину ставить Вас в известность о своем местопребывании, прошу лишь позаботиться, чтобы об этом никто решительно не знал»¹⁷. Декарт отправил

¹⁵ Декарт Р. Рассуждение о методе... С. 266. В одном из ранних писем к Бекману, отправленному из Амстердама весной 1619 года, Декарт пишет: «Если, как я надеюсь [во время путешествия] я остановлюсь, обещаю Вам тотчас приняться за обдумывание моей «Механики» или «Геометрии» (Декарт Р. Из переписки 1619—1643 гг. // Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 583). «Если я остановлюсь», словно бы это и вовсе может не произойти, вопреки воле и надежде, потребности в работе. Во время путешествия длиною в несколько лет у Декарта хватает времени лишь на небольшие письма, короткие восточки объемом в лист или чуть более – почти открытки в ожидании личных встреч и близости общения.

¹⁶ Фишер К. История новой философии: Рене Декарт. – М.: АСТ, 2004. С. 51 -52.

¹⁷ Декарт Р. Из переписки 1619—1643... С. 586.

это письмо из Амстердама, где он, кажется, ощущал себя лучше всего. Этот город позволял ему раствориться в себе, оставаться неузнанным среди шумной толпы народа¹⁸, словно иностранец, – а таковым он и был, – который не знает здесь никого, и не имеет желания заводить знакомства. Своего рода человек-невидимка, с той лишь оговоркой, что видят его как раз все, но при этом никто не замечает. Совершенно неслучайно, что в одном из писем Мерсенну, отправленных из Амстердама несколько лет спустя (10 января 1634 года), Декарт признается, что еще в начале жизни принял девиз – *«bene vixit, bene qui latuit»*¹⁹. Это зеркально перевернутые слова Овидия из «Скорбных элегий», повторяющие в свой черед завет Эпикура «Проживи незаметно». На русский язык эту строку Овидия чаще переводят, как «хорошо прожил тот, кто прожил незаметно». Но латинское *«lateo»* – это не только быть незаметным или неизвестным, но и скрываться, быть скрытым, прятаться. Так что верно также: «хорошо прожил тот, кто хорошо спрятался», кто скрылся из виду, кому удалось замести следы своей жизни, своего пребывания в месте, каждый раз ином, каждый раз новым.

В этом же письме Декарт, ссылаясь на недавнее отлучение Галилея от церкви, объясняет Мерсенну, почему он не может выслать ему уже законченный текст трактата «Мир» («Le Monde»). Мы ещё вернемся к этому весьма примечательному эпизоду, но сейчас нас интересует другое: в одном из позднейших писем Мерсенн, настойчиво пытавшийся на протяжении нескольких лет всё же «выманить» у Декарта это сочинение, в шутку говорит о том, Декарту угрожает опасность и он излишне опрометчиво рискует собственной жизнью, пытаясь показать свой «Мир». Его могут просто на просто убить лишь для того, чтобы познакомиться с неопубликованными сочинениями. На что Декарт в ответном письме летом 1637 года пишет: «Я смеялся, когда читал это место. Мои сочинения *так хорошо скрыты*, что убийцы напрасно искали бы их. Мир увидит мое сочинение не ранее, чем через сто лет после моей смерти»²⁰. Поэтому вовсе не случайно, что Мамардашвили называет Декарта «самым таинственным философом Нового времени или даже вообще всей истории философии. Он – тайна при полном свете»²¹.

Подчас Декарт бывает резок и груб. Он может позволить себе сказать: «Мне безразлично, как это определяют другие»²², обвинить своего собеседника в «страшной глупости» или даже «великой тупости», тем самым пустив насмарку все прежние конструкции своих разъяснений, выстроенные с таким терпением и тщанием. Скажем более, он делает это довольно часто и с нескрываемым раздражением. Вообще, Декарт отнюдь не всегда соблюдает негласные правила научной дискуссии, срывается на грубость и проклятия. С ним не так-то и просто вести беседу, а если уж делать это, то лучше на расстоянии, используя почту в виде щита. К этому средству, отсрочке во времени и пространстве, обращались многие и, в первую очередь, сам Декарт. Des Cartes postales, как способ уловки. Впрочем, мы уже знаем, – это игра с открытыми картами.

¹⁸ «В большом городе, где я нахожусь и где, кроме меня, все занимаются торговлей, каждый настолько погружен в извлечение прибыли, что я всю свою жизнь могу ни кого не видеть. Ежедневно я прогуливаюсь среди толпы народа с такой же свободой и безмятежностью, с какой Вы гуляете по своим аллеям, причем попадающих мне навстречу людей я воспринимаю так же, как Вы – деревья Вашего леса или пробегающих там животных» (Там же. С. 595).

¹⁹ «Жажда спокойной жизни в соответствии с принятым мною в ее начале девизом – *bene vixit, bene qui latuit* – побуждает меня скорее радоваться возможности освободиться от страха, вызванного большим количеством знаний, чем мне желательно, приобретенным посредством моей книги, нежели досадовать на потерю времени и труда, затраченного мною на ее сочинение» (Декарт Р. Из переписки 1619—1643... С. 597). По всей видимости, именно на этот фрагмент письма обращает внимание Мамардашвили, когда говорит, что среди записей Декарта «мы можем прочитать, что хорошо прожил тот, кто хорошо скрывался. И вот, даже в самых откровенных, казалось бы, таких его признаниях, в такой сокрытости он и предстает перед нами» (Мамардашвили М. К. Указ. соч. С. 508). У Овидия (Скорбные элегии III, 4, 25) эта строка звучит: *Créde miní, bene qui latuít, bene víxit, et intra Fórtunám debét quísque manére suám*.

²⁰ Декарт Р. Цит. по: Фишер К. История новой философии: Рене Декарт.... С. 83.

²¹ Мамардашвили М. К. Указ. соч. С. 508.

²² Декарт Р. Беседа с Бурманом // Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1994. С. 470

Грамматика картезианства

Письма Декарта, также как, впрочем, и иные его тексты, буквально испещрены барочными метафорами, но, что интересно, опутывая текст стилистически, они сохраняют колоссальную степень открытости, некую предельную степень ясности. Эта ясность сродни открытой ладони, живому касанию, то есть чистая физика слова, кожная поверхность языка. Физичность картезианских метафор превращает процесс чтения в череду тактильных ощущений, словно скольжение пальцами по шрифту Брайля, когда каждый образ получает сборку на коже, оставляя там едва различимый рельеф. Это совершенно осязательные ощущения и поэтому для нас столь важно обнаружить в картезианских текстах, перформативных по своей сути, некоторую внутреннюю логику, или, скорее даже, прагматику, питающую их изнутри, выстраивая последовательность букв в образах света разума или безумия ночи.

Безусловно, тексты Декарта обладают некоторой предельной строгостью конструирования, но при этом столь же очевидна определенная поэтичность его письма. Например, «Рассуждение о методе» написан в жанре исповеди, о чем Декарт предупреждает в самом начале: «Мне очень хотелось бы показать в этом рассуждении, какими путями я следовал, и изобразить свою жизнь, как на картине, чтобы каждый мог составить свое суждение... Таким образом, мое намерение состоит не в том, чтобы научить здесь методу, которому каждый должен следовать, чтобы верно направлять свой разум, а только в том, чтобы показать, каким образом старался я направить свой собственный разум». Более того, далее Декарт предлагает «рассматривать настоящее сочинение только как рассказ или, если угодно, как вымысел»²³. Поэтому, мы должны обратить самое пристальное внимание на «восхитительный» стиль письма Декарта²⁴, а также те риторические и метафорические фигуры, которое его непосредственным образом собирают. Мы должны совершенно новым образом проговорить саму структуру этой сборки, разобрать ее на мельчайшие составляющие, не упуская при этом из вида некоторые неочевидные конструкты – сцепки, крепежи картезианского текста, и, одновременно, погружая их в навязчивость ряда образов, буквально преследовавших Декарта. По-всей видимости, совершенно не случайно, что Декарт, прорисовывая, – а это именно прорисовывание, причем водной легкостью акварели, размывающей границы слова, – узловые концепты собственных размышлений, раз за разом обращается к метафорам. Деррида даже говорит о возможности построения «диаграммы метафорики Декарта», которая позволила бы воссоздать их внутреннюю структуру и грамматику: «Если бы мы, например, попытались составить диаграмму собственной (или предположительно собственной) метафорики Декарта,... следовало бы, несомненно,

²³ Декарт Р. Рассуждение о методе... С. 252.

²⁴ Поль Валери совершенно обоснованно называет стиль Декарта «восхитительным»: «До него никогда философ не показывал себя столь намеренно в театре собственного мышления, платя собственной персоной, осмеливаясь говорить „Я“ на протяжении целых страниц; и особенно замечательно это у него получается, в восхитительном стиле, когда он составляет свои „Размышления“... Я только что сказал: восхитительный стиль...» (Валери П. Цит. по: Деррида Ж. Поля философии. М.: Академический проект, 2012. С. 336). А вот что Валери пишет по поводу известного фрагмента о куске воска из второго «Размышления о первой философии» (Декарт Р. Размышления о первой философии, в коих доказывается существование Бога и различие между человеческой душой и телом // Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1994. С. 25—28): «Как чисто произнесены эти строки! Эта чистота не запятнана никаким стремлением произвести эффект. Как сдержанна мудрая простота их движения! Здесь нет ни одного слова, которого можно было бы избежать и выбор которого не казался бы при этом тщательно обдуманным. Я здесь вижу речь, образцово прилаженную к мысли, и в этом образце ровная и незаинтересованная манера, свойственная геометру, который формулирует пропозиции, сочетается с некоторой скромно поэтической грацией, особенно ощутимой благодаря ритму, плавности и хорошо размеренной структуре этого маленького фрагмента». Говоря о «Рассуждении о методе» Валери пишет о «чарующем повествовании» Декарта: «Сами по себе основные положения „Рассуждения о методе“ недолго могут удерживать наше внимание. Если что и притягивает мой взгляд, так это, начиная с чарующего повествования о его жизни и обстоятельствах, в которых начался его поиск истины, его собственное присутствие в этой „прелюдии к философии“. Меня притягивает, если угодно, узус Je и Moi в труде такого рода и звук человеческого голоса...» (Валери П. Цит. по: Разумовский И. С. Картезианские штудии Поля Валери // Вопросы философии. – 2014. – №9. – С. 164).

выявить под слоем казалось бы чисто диалектических метафор (которые были представлены в анализе Спюерри – плющ и дерево, путь, дом, город, машина, основание или цепочка) другую стратификацию, менее очевидную, но в не меньшей мере систематически организованную, причем она не лежит просто под первым слоем, а тесно сплетается с ним. В ней мы встретили бы воск и перо, одежду и наготу, корабль, башенные часы, семя и поклонника, книгу, палку и т. д. Воссоздать грамматику этих метафор значило бы сочленить их логику с дискурсом, который не представляет себя в качестве метафорического, т. е. с тем, что называют философской системой, смыслом понятий и порядков умозаключений, но также со схемами непрерывности и постоянства, с системами наиболее длинных цепочек, поскольку „одна и та же“ метафора может по-разному функционировать в разных случаях»²⁵.

Георгий Гачев, обратившийся к Декарту в общем контексте гуманитарной культуры Франции (или, быть может, к гуманитарной культуре Франции в общем контексте Декарта), также пишет о своем «филологическом, а не философском» интересе к Декарту. Основной задачей такого подхода он называет «выискивание образов у Декарта», и среди «главных образов-моделей» называет «Вихрь, Губку, Муравья, Улитку»²⁶. Разумеется, это лишь неполный перечень, требующий своей сцепки, связи, стягивания (и вновь навязчивые или, точнее, навязшие на плотной ткани текста образы Декарта) с перечнем Спюерри или/и Деррида, впрочем, и после этого не теряющий своей открытости. Это особенность метафор и образов, само их существо: они остаются открытыми, взламывая текст изнутри, а значит всегда внеположны любому списку или перечню. Кроме этого, метафоры, как известно, способны смещать значение. Скажем метафоры света, огня, к которым нам еще лишь предстоит обратиться. Или метафора пути: «...я решил, что с моей стороны будет большой заслугой, если я покажу, каким образом следует отличать свойства, или качества, ума от качеств тела. И хотя многие писали и раньше, что для постижения метафизических предметов следует абстрагировать мысль от чувств, все же никто до сих пор, насколько мне известно, не показал, каким образом этого можно добиться. Истинный же путь к этому – и, на мой взгляд, единственный – изложен в моем „Втором размышлении“, однако он таков, что недостаточно пройти по нему однажды: долго надо его протаптывать и вновь возвращаться к началу, дабы привычка всей нашей жизни – смешивать умопостигаемые объекты с телесными – была вытеснена приобретенной в течение нескольких дней противоположной привычкой, а именно привычкой их различать»²⁷.

Итак, необходимо проложить «истинный путь» различения двух субстанций: различие против смешения²⁸. Впрочем, и этого еще недостаточно: требуется «протаптывать» этот путь, возвращаясь к началу, проделывать это вновь и вновь, с настойчивостью и решительностью, наступая себе на пятки. Необходимо пройти путь от смутной радости узнавания на плоскости формы своей ступни до обретения плоскости в форме этой самой ступни, когда след начинает кроить дорогу по лекалам своих очертаний. Не ощущая «естественного света разума», или вовсе его чураясь, множество «ученых мужей» вынуждены подолгу блуждать по «окольным» и «трудным» путям мысли; скитаться, словно во тьме, и скорее на ощупь, вдоль непроч-

²⁵ Деррида Ж. Поля философии... С. 305—306.

²⁶ Гачев Г. Французский образ мира и стиль мышления (по Декарту) // Встреча с Декартом. Философские чтения, посвященные М. К. Мамардашвили 1994. М.: Ad Marginem, 1996. С. 202. «Мой подход к Декарту – не философский, а филологический, культурологический. Он находится в отношении дополнительности к тому строго философскому подходу, который развивает в своей книге Мераб Мамардашвили. Он, как и другие профессиональные философы, маниакально принимает к безобразному «когито». Я ж, напротив, выискивал образы у Декарта. Их у него много: в «Началах философии», в «Трактате о свете», в «Описании человеческого тела».

²⁷ Декарт Р. Ответ на вторые возражения против «Размышлений о первой философии» // Сочинения в 2 т. Т. 2. М.: Мысль, 1994. С. 106.

²⁸ Основная часть текста данной главы была впервые опубликована в форме статьи в журнале «Философия и культура»: Гайнутдинов Т. Р. Картезианство и психоанализ. // Философия и культура. – 2015. – №2.

ной кладки изъеденных временем стен, рискуя в любой момент лишиться единственной точки опоры. Они подобны слепым кротам, беспорядочно роющим почву и ведущим жизнь в подземелье, не поднимаясь на поверхность из боязни ослепнуть: «у всех тех, кто привык таким образом бродить во мраке, настолько ослабляется острота зрения, что впоследствии они не могут переносить яркого света»²⁹

²⁹ Декарт Р. Правила для руководства ума // Сочинения в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1989. С. 86

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.